

А. Айвазян

Рудольф Хачатрян: «Художник должен нести свет»

«Художник должен нести свет», Советская Армения (Советакан Айастан), 1988, 11 мая

ИНТЕРВЬЮ НАКАНУНЕ ВЫСТАВКИ

— ...И вот вы снова в Ереване. С выставкой приехали?

— Я всегда в Армении: иногда — с картинами, иногда — без. А душой — всегда. И само собой, что и два десятилетия назад, когда я жил за пределами республики (в Москве), новые свои выставки я сначала устраивал в Ереване, а потом — в других городах.

— И на этот раз так же?

— И на этот раз так же. И во всех последующих случаях будет уже так.

— Работы выставки, которая завтра откроется в ереванском Доме художника, ещё не бывали в выставочных залах других городов?

— С ними первыми познакомятся ереванцы. Вообще я не люблю представлять перед любителями искусства со старыми работами, перевозить картину с выставки на выставку. Для этого показа я отобрал 50 работ, 45 из которых только что вышли из мастерской. Они не слышали выставочного шума, они привыкли к тишине мастерской. Это работы последних двух-трёх лет.

— Что для вас наиболее интересно в творчестве последнего периода? Что нового вы покажете посетителям?

— Разбирать работы художника — дело искусствоведов. Скажу лишь, что новое для меня — обращение к технологии левкаса, которой работали старые мастера. Этим способом из наших современных художников, насколько мне известно, пока работаю только я. Напомню: левкас — способ обработки поверхности доски, благодаря которому эта поверхность покрывается особым основным составом. Этим перед рисовальщиком открываются новые возможности. Своей задачей я считаю раскрыть этим способом все возможности рисунка. Поясню: до сих пор мы рисовали на бумаге, на картоне. Живым веществом карандаша мы создавали искусство на мёртвой бумаге, на мёртвом картоне. А меловой левкас — живая основа. Смешиваясь, графит и основа дают богатые возможности. Я вхожу в новые пределы.

— Вы постоянно употребляете слово «рисование» и избегаете общепринятого термина «графика»...

— Потому что не люблю названия «графика». Я не график, я рисовальщик, и скромно называю своё дело рисованием... Для живописца, для скульптора рисунок — школа и основа, вспомогательное средство при создании картины, скульптуры. А я делаю линию главным. Искусство XX века — искусство СВЕТА, а свет — это линия. Искусство античного мира — скульптура — было искусством ФОРМЫ. Искусство Возрождения — живопись — было искусством ЦВЕТА. Искусство XX века, по-моему, — искусство ЛИНИИ, рисунка. Ведь существует святая троица: скульптура, живопись, рисунок; они едины, как в Библии едины Отец, Сын и Святой Дух. От античного мира до наших дней в истории развития искусства они всегда выступали вместе. Но в каждый период господствовало что-то одно: в античном

искусстве — форма (скульптура), в искусстве Возрождения — цвет (живопись), теперь для меня господствующее — свет (рисунок). Ведь во тьме свет сосредоточивается в виде линии. Обращали ли вы внимание на луч прожектора: падает на море — линия... Для меня главное — линия, так я и строю своё искусство.

— До сих пор вы говорили о методе работы и о выраженном в нём творческом принципе. Теперь хотелось бы, чтобы вы представили новое в тематическом отношении.

— Я нарисовал и покажу новые серии армянских пейзажей, натюрмортов, портретов. По-моему, сама вещь уже есть тема; я не люблю вводить в живопись литературный сюжет. Вот в моих натюрмортах — засохшие цветы. Для меня это не мёртвые цветы. У них есть своя живопись, которая, что бы ни было, есть живой мир, и сами они выглядят живыми.

У меня портретное мышление. У вещи, у пейзажа, у натюрморта есть свой портрет: я создаю портреты засохшего цветка, медного котла, других вещей. Всё это ещё и ностальгия, тоска. Я рисую своё детство. Очень люблю старые дворы. Они с детства остались в моей памяти. Вспоминаю наши сёла, где бывал в раннем возрасте. Рисуя старые дворы, сёла, я рисую своё детство.

— Какой мыслью вы руководствуетесь, создавая портреты людей? Каковы ваши принципы?

— Портреты людей... Художник всегда пишет того, кто ему ближе — душевно, философски. То же и я. Меня тянет к людям богатого духовного мира. Когда пишу, я не думаю, что вложить в этого человека: я живу. Главное — любить. Самый большой художник тот, кто любит больше всех. Достоевский говорил, что красота спасёт мир. Я говорю: любовь спасёт мир. Потому что красота рождается из любви, а любить — труднее всего. Сначала любовь, потом приходит то, каким средством, какой профессией ты выражаешь свою любовь. Я счастлив, что свою любовь выражаю через рисование. И, наверное, это двойное счастье, когда люди принимают твою форму любви, а приняв, и сами немного так же — твоей любовью — любят мир, человека.

Конечно, и у любви есть качество. Мерило в том, каково качество твоей любви. Если люди принимают её, значит, я делаю своё дело правильно. Искусство должно делать людей счастливыми. Умение любить — мерило культуры. Мы счастливы тем, что за нами стоит великая культура, которая идёт впереди нас. Что нового вносит художник в этом случае — вот и мерило. Настоящий художник тот, в ком есть эта наша великая культура; да, и я, обладая ею, могу сказать, что имею право рисовать. Из моих последних работ для меня очень важны обращение к образу нашего великого Нарекаци, обращение к великому Комитасу, которого я пишу второй раз, и создание портретов ряда других деятелей армянской культуры. Важны тем, что я сумел написать великих людей своего народа. Для меня Нарекаци — человек, подобный богу, божественный человек. В работе я стремился раскрыть в его образе божественное, духовный мир отшельника. На больших картинах, изображающих Нарекаци и Комитаса, Комитас смотрит снаружи внутрь церкви, а Нарекаци — там, внутри церкви. И, хотя это отдельные картины, они словно разговаривают друг с другом. Среди моих портретов эти два для меня стоят особняком.

— Какой неожиданной стороной предстанет перед нами на этой выставке народный художник Армении Рудольф Хачатрян?

— На картинах предыдущей выставки отсутствовал фон. На этот раз он занимает большое место. Если прежде я писал только на белом фоне, то теперь в моих работах есть некоторое изменение.

— Чем вы это объясняете?

— Они сделаны более свободным образом мысли. Не исключено, однако, что завтра я снова вернусь к чистому фону. То есть ничего надуманного я не делаю.

— Наша беседа началась с утверждения, что вы всегда здесь. Но вот мы беседуем в гостинице. Как же так: человек, который всегда здесь, каждый приезд снимает гостиницу?

— Мне очень хочется иметь дом в Ереване. Если бы у меня был свой дом, я мог бы дольше оставаться и работать в Ереване. В конце концов я должен вернуться на родину. Моя мечта — сосредоточить в будущем ереванском доме-мастерской все свои произведения и впоследствии подарить их родине. В Москве мне предлагают особняк, считающийся историко-культурным памятником, а в Ереване я удовольствовался бы более скромным жильём. Половину года я хотел бы работать в Армении: писать земляков, родную природу, сёла, дворы — чтобы писать их больше.

— Это ваша высшая цель?

— Для меня каждый день живопись начинается заново, заново начинается жизнь. Забудь сделанное, создай новое. Едва беру карандаш, мне кажется, что я только-только начинаю рисовать. Мне хотелось бы, чтобы так продолжалось.

— Значит, начиная новую работу, вы должны испытывать страх.

— Нет. Кто любит, тот не боится. Я переживаю удивление и восхищение перед жизнью. Разве не чудо всё это? Яблоко осталось яблоком, оно не изменилось. Сколько же писали яблоко все художники! Почему они писали одно и то же — ведь оно не изменилось? Значит, все любили яблоко, восхищались им. Если сложить их любовь... какая огромная сила окажется обращена к маленькому яблоку! И какая разнообразная любовь! Всё человечество для меня — один Человек. Как же восхищался этот один Человек яблоком! Как многосторонне он увидел яблоко! Но это яблоко тем не менее остаётся несозданным. Оно бесконечно. Вот в чём чудо. Вот в чём «слово»...

Художник должен писать не только глазами и рукой, но и сердцем (возвращаясь к «высшей цели»). Художник должен сознательно иметь в себе «бога». Не где-то в небе. Ведь бог был «первым художником». Он первым изваял. Адам — первая «скульптура», которой бог даровал дыхание. Этот бог, как я его себе представляю, есть свет. Внутренний свет. Художник должен нести свет. И это — благо.

Rudolf Khachatryan (1937–2007)

Rudolf Khachatryan Digital Archive · rudolfart.com

Rudolf Khachatryan: “An Artist Must Give Light”

This file was downloaded from:

<https://rudolfart.com/texts/RKh-Txt-0047?lang=ru>

Works by Rudolf Khachatryan © Heirs of Rudolf Khachatryan. Other texts, photographs and design © their respective authors. When using this material, please credit the source and link to the page above.

Рудольф Хачатрян (1937–2007)

Цифровой архив Рудольфа Хачатряна · rudolfart.com

Рудольф Хачатрян: «Художник должен нести свет»

Файл скачан со страницы:

<https://rudolfart.com/texts/RKh-Txt-0047?lang=ru>

Произведения Рудольфа Хачатряна © наследники Рудольфа Хачатряна. Остальные тексты, фотографии и оформление © их авторы. При использовании материала укажите источник и ссылку на эту страницу.